

Инструментальный разум как третья субъектность в системе «Я – Другой»

А.Х. Мариносян

*Московский городской педагогический университет, Москва,
Россия*

Аннотация

В статье исследуется проблема достижения устойчивого медиационного равновесия в отношениях «Я – Другой». Отмечается, что только стремление участников диалога к взаимопониманию не гарантирует продуктивной коммуникации в ситуациях, если взаимодействие определяется борьбой за ограниченные ресурсы и возможности. В таких условиях субъекты рискуют оказаться в зависимости от инструментального разума – логики контроля и подавления, превращающей «Я» и Другого из полноценных личностей в функции овеществленной рациональности. В процессе анализа этой проблемы в статье вводится различие двух ролей индивида: человека как личности (носителя уникальных ценностей и смыслов) и человека как субъекта межличностных отношений, как актора, погруженного в практические взаимодействия. Показывается ограниченность контроля первого над вторым, зависимость взаимодействий не только от личностных качеств участников, но и от безличной логики инструментального разума. Последний трактуется как своего рода третья субъектность, опосредующая диалог «Я» и Другого. Достижение медиационного равновесия станет возможным через развитие автономии сторон, через их трансформацию, взаимное признание и поиск меры совместности. Этот подход прослеживается на примерах теории социокультурной медиации А.С. Ахиезера, концепции межсубъектного диалога А.П. Давыдова, а также теории трансформационной медиации Р. Буша и Дж. Фолджера. Ключевыми понятиями последней являются «развитие» (укрепление способности участников ясно осознавать свои цели и принимать ответственные решения) и «признание» (готовность услышать и понять перспективу Другого). Смысл трансформационной медиации состоит в переходе от навязывания одной из сторон своей позиции к совместному поиску новых возможностей, позволяющих реализовать интересы «Я» и Другого через диалог. В заключение утверждается значимость преодоления логики взаимных обвинений через перенос фокуса внимания с личности оппонента на безличные структуры, ограничивающие самоопределение всех участников.

Ключевые слова: социальная философия, социальное развитие, диалог, медиация, медиационное равновесие, трансформационная медиация, личность, индивид, личная ответственность, конфликт.

Мариносян Андреас Хачатурович – аспирант Московского городского педагогического университета.

a.marinosyan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

Для цитирования: Мариносян А.Х. Инструментальный разум как третья субъектность в системе «Я – Другой» // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 117–134. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-117-134

Instrumental Reason as a Third Subjectivity in the Self–Other System

A.K. Marinosyan

Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the challenge of achieving sustainable mediational equilibrium within the Self–Other relationship. It argues that the mere pursuit of mutual understanding among dialogue participants is insufficient to guarantee productive communication, particularly in contexts where interactions are driven by competition for scarce resources and opportunities. Under such conditions, subjects risk becoming dependent on instrumental reason – the logic of control and suppression – which transforms both the Self and the Other from fully-fledged personalities into functions of reified rationality. The analysis introduces a distinction between two roles of the individual: the person as a bearer of unique values and meanings, and the individual as a subject of social relations, an actor immersed in practical interactions. It is demonstrated that the capacity of the former to exert control over the latter is limited, and that interactions are shaped not only by the personal qualities of the participants but also by the impersonal logic of instrumental reason. This logic is conceptualized as a kind of third subjectivity that mediates the dialogue between the Self and the Other. Achieving mediational equilibrium becomes possible through the development of autonomy among the parties, through their transformation, mutual recognition, and the search for a measure of compatibility. This approach is traced through examples from A.S. Akhiezer’s theory of sociocultural mediation, A.P. Davydov’s concept of inter-subjective dialogue, and R. Bush and J. Folger’s theory of transformative mediation. Key concepts in the latter include empowerment (strengthening participants’

ability to clearly recognize their goals and make responsible decisions) and recognition (willingness to hear and understand the Other's perspective). The essence of transformative mediation lies in the transition from imposing one party's position to a collaborative search for new possibilities, allowing the realization of both Self and Other's interests through dialogue. In conclusion, the article asserts the importance of overcoming the logic of mutual accusations by shifting the focus from the opponent's personality to the impersonal structures limiting the self-determination of all parties.

Keywords: social philosophy, social development, dialogue, mediation, mediational equilibrium, transformative mediation, personality, individual, personal responsibility, conflict.

Andreas K. Marinosyan – Ph.D. Student, Moscow City University.

a.marinosyan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

For citation: Marinosyan A.K. (2024) Instrumental Reason as a Third Subjectivity in the Self–Other System. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 117–134.
DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-117-134

Введение

Понимание социального развития как процесса качественной трансформации общественных отношений, институтов и ценностей предполагает использование адекватного методологического инструментария для его изучения. Эффективным инструментом для подобного исследования может служить система отношений «Я – Другой», позволяющая рассматривать индивидуальные и коллективные субъекты как полноправных участников социальных взаимодействий и процессов развития на основе принципов взаимодополняемости и равноправия. Ключевым механизмом социального развития в данной системе выступает диалог, направленный на поиск меры совместности – оптимального баланса между автономией и связанностью, своеобразием и общностью, частными интересами и общим благом. Через добровольные соглашения, достигнутые в ходе диалога и зафиксированные в форме явных или неявных общественных договоров, реализуется совместная деятельность автономных и равноправных субъектов.

Однако признание раздвоенности субъекта социального развития и исходного противоречия между индивидуальным и социальным началом неизбежно ставит вопрос о возможности продуктивного диалога. Абсолютизация любого из полюсов этой

оппозиции ведет к разрыву между ними, усилению конфликтности и прекращению конструктивного взаимодействия. Попытки утвердить безусловный примат индивидуального ведут к атомизации социума, разрушению устойчивых связей и институтов. Таким же деструктивным оказывается и растворение индивидуальности в надличностных структурах, подавление автономии и своеобразия личности.

Преодоление этой дилеммы, как показывает А.П. Давыдов, становится возможным через медиацию – поиск «третьего пути» в смысловом пространстве между крайностями индивидуализма и коллективизма. Медиация предполагает трансформацию пространства диалога, формирование новых оснований коммуникации, выходящих за рамки исходных абсолютизированных принципов [Давыдов 2020, 531–533]. В процессе медиации диалог перестает быть лишь противоборством антагонистов и становится совместным движением к новому синтезу, в котором односторонние позиции интегрируются в качественно иную целостность.

Вместе с тем отказ от мышления абсолютами сам по себе еще не гарантирует альтернативного продуктивного смыслообразования. Процессы медиации сопряжены с существенными рисками и противоречиями. Отрицание старых смыслов без созидания новых ценностей чревато появлением идейного вакуума, размыванием ориентиров человеческого существования. Место преодоленных противоположностей могут занимать эклектические химеры, возможной становится утрата позитивного содержания, «пустота в “сфере между”» [Давыдов 2020, 555]. В настоящей статье будут рассмотрены препятствия на пути медиации и диалога, связанные с установкой субъектов на рациональное действие, и проанализирован вопрос о том, каким образом стремление к рациональности может способствовать либо ограничивать медиацию-диалог.

Основные вопросы медиационного мышления

Особую сложность и противоречивость медиационные процессы приобретают в переходные исторические периоды, характеризующиеся масштабной ломкой устоявшихся форм жизни. В такие эпохи высока вероятность инверсионных срывов – попыток преодоления накопившихся противоречий через простую смену полюсов, зеркальное отражение прежних крайностей. Вместо подлинной медиации и диалога происходит циклическое колебание между полярными абсолютами, воспроизводство

старых антагонизмов в новой форме [Ахиезер 1997]. Трудность для медиации представляют и ситуации, в которых конфликт происходит за разграничение сфер влияния, за распределение ограниченных ресурсов, имеющих для сторон в их представлении жизненный интерес. Дефицит доверия и взаимное ожидание враждебных действий создают порочный круг, блокирующий конструктивное взаимодействие.

Устойчивость медиационного равновесия во многом зависит от целей, которые мы ставим перед процессом медиации, от вопросов, которые задаем себе в рамках такого процесса. В этой связи важно рассмотреть три ключевых вопроса медиационного мышления и диалогизации межсубъектного смыслового пространства. Они сформулированы А.П. Давыдовым:

1. В какой степени я могу изменить окружающую среду, чтобы удовлетворить свои потребности?
2. В какой степени я должен изменить свои цели, чтобы адекватно отвечать на новые вызовы?
3. В какой степени я способен участвовать в создании нового всеобщего особенного?

Как пишет А.П. Давыдов, ограниченность мышления поиском ответа лишь на первый вопрос чревата утратой творческого потенциала и социальной значимости личности. Именно готовность к самоизменению и сотворчеству, реализующаяся через поиск ответов на второй и третий вопросы, открывает путь к подлинному развитию [Давыдов 2020, 64–65]. То, какие вопросы медиационного мышления выходят на первый план, в свою очередь, определяется предметом диалога между «Я» и Другим. Можно выделить две основные предметные области.

Первая предметная область – диалог, ориентированный на обмен опытом, воззрениями и создание новых смыслов. Цель такого диалога – взаимное развитие личности «Я» и личности Другого через приобщение к иному жизненному миру, через обогащение индивидуальной перспективы постижением чужой субъективности. Речь идет не столько о прагматическом согласовании интересов, сколько о глубинной экзистенциальной коммуникации, в которой «Я» и Другой совместно порождают новые горизонты существования. Диалог в данном случае – это не средство достижения внешних целей, а самоценная форма самобытия, самопознания обоих, развивающая личностное начало во всех своих участниках.

Вторая предметная область – диалог, ориентированный на согласование позиций относительно вопросов рисков и контроля. Его цель состоит в обеспечении условий для удовлетворения собственных потребностей, управлении рисками через установление контроля за поведением Другого. Такой диалог носит преимущественно инструментальный характер, служит средством реализации стратегических интересов сторон. «Я» стремится не столько понять уникальный мир Другого, сколько вписать его в свою систему координат, сделать предсказуемым и управляемым. Хотя при этом неизбежен момент развития (через рационализацию своих интересов и постижение интересов визави), главный акцент ставится не на сотворчество, а на гарантии безопасности и возможностях контроля. Диалог в контексте этой предметной области соотносится с первым вопросом медиационного мышления.

Две предметные области диалога могут находиться в противоречии друг с другом, поскольку они подразумевают разное отношение к Другому. В первом случае Другой – продолжение моей свободы, во втором – ее ограничение, угроза.

Инструментальная рациональность как субъект медиационного процесса

Инструментальная рациональность представляет собой тип мышления, ориентированный на поиск наиболее эффективных средств для достижения заданных целей. Она предполагает заданность цели, сосредоточена на оптимизации процесса ее реализации при минимальных затраченных ресурсах. В контексте инструментальной рациональности действия оценивают прежде всего с точки зрения их полезности, способности приводить к желаемым результатам.

Инструментальная концепция разума некоторыми исследователями¹ возводится к философии Д. Юма, утверждавшего, что «разум есть и должен быть лишь рабом аффектов и не может претендовать на какую-либо другую должность, кроме служения и послушания им», и потому разум может влиять на поведение человека только двумя путями: или сообщением о существовании того, что является объектом аффекта, или нахождением тех причин и следствий, с которыми связано проявление аффекта [Юм 1996, 457, 500–501].

Систематическую разработку концепция инструментальной рациональности получила в социологии М. Вебера, описывающего инструментально-рациональное, или целерациональное

¹ Вопрос о том, присутствует ли в действительности в работах Юма инструментальная концепция разума, обсуждается, например, в работах [Hampton 1995; Setiya 2004].

(zweckrational), действие как один из четырех основных типов социального действия [Вебер 1990]. Целерациональное действие, согласно Веберу, предполагает четкое осознание цели, расчет адекватных средств ее достижения и учет возможных побочных следствий. Именно распространение целерационального действия Вебер считал ключевой характеристикой процесса рационализации западного общества.

Однако, если инструментальная рациональность из средства превращается в самоцель, она трансформируется в то, что М. Хоркхаймер и Т. Адорно называли инструментальным разумом. Концепция инструментального разума занимает важное место в их совместной работе «Диалектика Просвещения» (1947). Также эта тема подробно раскрыта в изданной сначала на английском языке книге Хоркхаймера «Затмение разума» (1947), немецкий перевод которой вышел позднее под названием «К критике инструментального разума».

В книге «Затмение разума» Хоркхаймер противопоставляет инструментальный (субъективный) разум, занятый поиском средств для достижения субъективных целей самосохранения, объективному разуму, стремящемуся укоренить истину и смысл во всеобъемлющей тотальности. По мере того, как самосохранение становится все более всеохватывающим, разум становится формальным и неспособным судить о целях [Хоркхаймер 2011]. В «Диалектике Просвещения» Хоркхаймер и Адорно прослеживают, как Просвещение, стремившееся освободить человечество с помощью разума, порождает новые формы господства. Инструментальный разум, пытаясь сделать мир калькулируемым и подконтрольным, нивелирует культуру и фрагментирует общество. Разум утрачивает критический потенциал и начинает работать против самого себя, поработив человека безличным императивам эффективности [Хоркхаймер, Адорно 1997].

В статье не будем рассматривать исторический план становления инструментального разума, но укажем следующее. В контексте отношений «Я – Другой» инструментальная рациональность выступает как один из возможных типов рациональности, используемых участниками диалога. Но, если она становится доминирующим и самодовлеющим принципом, происходит ее трансформация в инструментальный разум как относительно самостоятельную силу, третью субъектность, опосредующую коммуникацию между «Я» и Другим и подчиняющую их своей формализующей логике. «Я» и Другой рискуют превратиться из полноценных субъектов диалога в обычные функции овеществленного инструментального разума. Опыт, ценности и смыслы участников коммуникации вытесняются на периферию, уступая

место калькуляции соотношения выгод и издержек. Это чревато разрывом живой ткани социальности и угрожает перспективам социального развития.

Для дальнейшего анализа выделим две роли, в которых человек предстает в обществе: человека как личность и человека как субъекта межиндивидуальных отношений. Человек как личность – носитель уникальных смыслов и ценностей, субъект самосознания и саморазвития. Личность характеризуется способностью к рефлексии, автономией воли, моральной ответственностью за свои решения и поступки. Формирование личности является результатом внутреннего диалога и взаимодействия с внешним миром. Человек как личность способен задать приведенные выше второй и третий вопросы медиационного мышления в формулировке А.П. Давыдова.

Человек как субъект межиндивидуальных отношений – индивид, включенный в конкретные социальные взаимодействия и институты, занимающий определенные позиции и выполняющий определенные роли в отношениях с другими². Он характеризуется погруженностью в практическую деятельность, зависимостью от внешних обстоятельств, необходимостью решать проблемы в условиях ограниченных ресурсов и информации. Главный вопрос для него – это первый из трех приведенных вопросов медиационного мышления.

Ключевой момент состоит в том, что контроль человека как личности над самим собой как субъектом межиндивидуальных отношений не является абсолютным. Действия индивида в социальном контексте обусловлены не только его личностными качествами и ценностями, но и внешними факторами, включая логику инструментального разума. В рамках отношения «Я – Другой» инструментальный разум можно рассматривать как своего рода третью субъектность. В случае, если диалог происходит относительно второй предметной области, выделенной нами ранее в статье, инструментальный разум в значительной степени определяет логику взаимодействия между субъектами, влияет на характер и направление взаимодействий между «Я» и Другим.

Одной из причин неустойчивости медиационного равновесия является именно логика инструментального разума, требующего

² То, что мы понимаем под человеком как субъектом межиндивидуальных отношений, можно сравнить с актором (или «действующим лицом», как переведено слово «астейт» на русский Е.А. Самарской [Турен 1998]) А. Турена, с агентом, субъектом практики П. Бурдьё [Бурдьё 2001]. Но необходимо, конечно, принимать во внимание принципиальное различие в коннотациях и методологических установках.

перейти от диалога с Другим к действиям по контролю над ним. При этом существует тенденция переносить ответственность за нарушение такого баланса на личности участников диалога, а не на внеличностные факторы, такие как инструментальный разум. Данная тенденция созвучна тому, что американский психолог австрийского происхождения Ф. Хайдер называл «фундаментальной ошибкой атрибуции» [Хайдер 2013]. Согласно Хайдеру, люди склонны переоценивать степень, в которой поведение других определено их устойчивыми личностными характеристиками, и недооценивать роль ситуационных факторов. Иными словами, мы чаще объясняем действия человека особенностями его личности, нежели обстоятельствами, в которых он находится. Приписывая негативные действия Другого его личностным качествам, рискуем разрушить пространство коммуникации, перейти от обсуждения конкретных проблем к конфликту идентичностей. Это уменьшает возможность совместного поиска решений и работы с объективными причинами трудностей в отношениях. Целесообразно признать ограниченность знания и самоконтроля индивида, его зависимость от логики той системы отношений, в которую он встроен. Это позволяет перейти от фиксации на негативных чертах Другого к обсуждению структурных условий взаимодействия.

Конечно, такой подход не означает полного снятия моральной ответственности с личности. Скорее, речь идет о более реалистичном взгляде на границы этой ответственности, на сложное опосредование связи между «Я» и его действиями. Признание ограниченности личного контроля над ситуацией должно стать не оправданием безответственности, а отправной точкой для рефлексии и работы над расширением пространства свободы. Вопрос о личной ответственности можно считать одним из ключевых в дискуссиях о нравственных основаниях человеческого поведения. Классическая позиция, выраженная, в частности, в работах М.М. Бахтина, исходит из полной и безусловной ответственности личности за свои поступки. Согласно Бахтину, ответственный поступок преодолевает всякую гипотетичность, он есть «осуществление решения – уже безысходно, непоправимо и невозвратно». В поступке личность полагает себя целиком, соотносит «и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное» [Бахтин 2003, 29].

Безусловно, такое понимание ответственности задает высокий этический идеал, к которому должен стремиться каждый человек. Однако лишь утверждение этого принципа, его абсолютизация не решат проблему реализации ответственности на практике. Более того, использование постулата о полной ответственности личности как основания для осуждения и наказания Другого,

может быть контрпродуктивным, поскольку рождает resentment посредством перенесения негативных чувств, испытываемых по отношению к поступку Другого, на его личность. Концепция третьей субъектности не отменяет значимости персональной ответственности, но позволяет конкретизировать условия и механизмы ее осуществления в реальной сложности социальных отношений. Она ориентирует не на конфронтацию относительно меры вины «Я» или Другого, а на совместную работу по созданию пространства для ответственного поступка.

Психологические факторы, препятствующие диалогу между «Я» и Другим

Установление подлинного диалога между «Я» и Другим сталкивается не только с объективными социокультурными барьерами, но и с психологическими факторами, укорененными в структуре личности. Согласно А.П. Давыдову³, даже при наличии внешних условий для коммуникации психологические защитные механизмы могут блокировать открытость к восприятию иной перспективы и готовность к изменению собственной позиции. Известный психолог и психиатр Р.Д. Лэнг выделяет несколько ключевых психологических препятствий на пути к диалогу [Лэнг 1995, 30–43].

Первое препятствие – страх поглощения Другим. Диалог предполагает определенную степень открытости, готовности впустить в свой внутренний мир альтернативный взгляд на вещи. Однако такая открытость может переживаться как угроза целостности «Я», как риск раствориться в чужой субъективности. Особенно острым этот страх становится в ситуациях неравенства ресурсов и возможностей, в которых одна из сторон диалога занимает более высший статус и претендует на доминирование.

Второе препятствие – угроза деперсонализации. Подлинный диалог требует от «Я» признания в Другом равноправного субъекта, а не просто объекта манипуляций. Однако такое признание может быть психологически дискомфортным, поскольку означает необходимость считаться с самостоятельностью Другого, невозможность полностью контролировать ситуацию взаимодействия. Гораздо проще и спокойнее воспринимать Другого как вещь, которой можно произвольно распоряжаться. Овеществление Другого избавляет от необходимости прилагать усилия для понимания его внутреннего мира, учитывать его интересы и ценности.

³ Источником в данном случае является устная и письменная коммуникация с А.П. Давыдовым, оказавшим существенную помощь в подготовке статьи.

Третьим препятствующим фактором, как формулирует А.П. Давыдов, является страх внутреннего раздвоения, раскола. В процессе диалога «Я» неизбежно сталкивается с аргументами и ценностями, противоречащими его исходным установкам. Под влиянием этой встречи устоявшаяся система взглядов может быть поставлена под вопрос, ее когерентность и непротиворечивость оказываются под угрозой. Осознание ограниченности собственной перспективы, необходимость интегрировать новый опыт могут быть переживаемы как болезненный внутренний раскол, утрата привычных ориентиров. «Я» может стремиться избежать этой внутренней трансформации, цепляясь за стабильность сложившейся идентичности и блокируя любые альтернативы.

В качестве четвертого препятствия можно выделить фактор, возникающий уже в процессе взаимодействия «Я» и Другого. Действия человека как субъекта межиндивидуальных отношений могут идти вразрез с его собственными представлениями как личности. И для сохранения целостности своего «Я», чтобы сохранить для себя иллюзию того, что он выступает субъектом собственных действий, человек (во многих случаях неосознанно) изменяет собственные ценностные установки и представления, чтобы обосновать действия, на которые вынужден идти как участник конфликта, взаимодействия с другими⁴.

Эти психологические факторы не являются случайными, внешними помехами коммуникации, а представляют собой аспекты человеческого самосознания, затрагивающие базовые механизмы поддержания идентичности. С одной стороны, ключевым условием для преодоления психологического сопротивления медиации и диалогу служит укрепление личностной автономии, способности детерминировать собственное поведение. Только «Я», уверенное в своей способности сохранять целостность и творчески перерабатывать новый опыт, может без страха открыться навстречу Другому. С другой стороны, в условиях конфликта, воспринимающегося сторонами как несущий для них крайне значимые или даже экзистенциальные риски, человек, оставаясь исключительно в рамках психологической работы над самим собой, не всегда способен демонстрировать установку, способствующую медиации. Возможно, принятие собственного раскола, признание самому себе в том, что он в качестве актора является лишь персонификацией тех диспозиций, которые образуют конфликт, и не отождествление

⁴ Этот процесс изменения своего «Я» для сохранения представлений о собственной субъектности интересно было бы соотнести с тем, что Ж.-П. Сартр обозначал как гипостазирование бытия-для-себя [Сартр 2009, 135] и интериоризация внешнего [Sartre 1968].

своей личности с этим актором будут способствовать тому, чтобы собственное самосознание было в меньшей степени ангажировано логикой конфликта, чтобы отдать во власть инструментальному разуму себя как актора, но себя как личность.

Трансформационная медиация

Теория трансформационной медиации, разработанная американскими социологами Р. Бушем и Дж. Фолджером, представляет собой один из возможных примеров того, как можно на практике воплотить идею смены фокуса⁵ с контроля над Другим на совместное преодоление ограниченности знания и самоконтроля. В отличие от традиционных подходов, стремящихся прежде всего к достижению формальных соглашений, трансформационная медиация видит главную цель в изменении качества взаимодействия, развитии способности к взаимопониманию и сотворчеству.

Ключевыми понятиями трансформационной медиации являются развитие (empowerment) субъектности сторон и признание (recognition) ими перспективы друг друга. Развитие подразумевает укрепление способности участников диалога четко осознавать свои цели, принимать решения и нести за них ответственность. Признание означает готовность услышать и понять точку зрения, интересы и потребности Другого, проявить уважение к его позиции. Эти два процесса взаимно усиливают друг друга: обретение субъектности создает основу для эмпатии, а признание Другого, в свою очередь, способствует более глубокому самоопределению.

Особенность трансформационного подхода состоит в том, что он смещает фокус с достижения конкретного соглашения по спорным вопросам на преобразование характера коммуникации между сторонами. Главная ценность медиации видится в улучшении взаимопонимания и формировании у участников диалога навыков конструктивного взаимодействия. Даже если непосредственное соглашение не достигнуто, но стороны обрели новое видение ситуации и новые поведенческие модели, процесс можно считать успешным.

Эта установка созвучна идее о необходимости трансформации ситуации, порождающей зависимость субъектов от инструментального разума. Медиация выступает не просто как техника урегулирования конфликта, но как практика преобразования социального контекста, расширения пространства личностной автономии и осознанной ответственности. Через развитие субъектности и взаимное признание «Я» и Другой обретают способ-

⁵ См. о смене предмета диалога как способе медиации: [Давыдов 2020, 555–557].

ность дистанцироваться от диктата отчужденных социальных сил и формировать новые, более гуманные основания своих отношений.

Такой подход созвучен идее коэволюции Н.Н. Моисеева, понимаемой В.А. Лекторским в качестве новой онтологии, противопоставленной антропоцентризму [Моисеев 1995; Лекторский 2004]. Речь идет о переходе от логики господства и контроля, характерной для инструментального разума, к партнерству и сотворчеству в отношениях «Я – Другой». Задача заключается не в том, чтобы победить противника, а в том, чтобы вместе создать такую реальность, в которой будут удовлетворены интересы и потребности всех участников диалога.

Практическая реализация трансформационного подхода может быть проиллюстрирована на различных примерах, от урегулирования конфликтов в организациях до разрешения противоречий на макросоциальном уровне. Буш и Фолджер приводят примеры межиндивидуального уровня. Например, сотрудник американской почтовой службы подал жалобу на начальника по поводу дискриминации. В ходе процесса медиации, следуя трансформационному подходу, стороны смогли открыто представить собственные позиции и эмоции. В результате сотрудник выразил свое желание получить продвижение по карьерной лестнице, а начальник изложил свои требования и ожидания к потенциальным руководителям. Постепенно напряжение стало исчезать, стороны начали лучше понимать друг друга. В итоге начальник и сотрудник договорились о том, что первый поможет второму пройти соответствующее обучение для дальнейшего продвижения [Bush, Folger 2004, 26–34].

Одним из примеров реализации принципов трансформационной медиации на макроуровне служит развитие общедоступных социальных институтов, способствующих преодолению классовых противоречий. Исторически отношения между буржуазией и пролетариатом рассматривались как непримиримый конфликт, обусловленный структурой капиталистического способа производства. Попытки разрешить это противоречие через простое перераспределение собственности приводили к насилию и революциям. Однако социально-экономические реформы, направленные на выравнивание стартовых возможностей индивидов, независимо от их происхождения, помогли сделать так, что противостояние утратило былую значимость. Развитие общедоступных институтов образования, здравоохранения и социальной поддержки позволило представителям низших классов улучшать свое положение за счет собственных усилий и способностей, повысило вертикальную социальную

мобильность, сделало границы между классами более проницаемыми.

Концепция трансформационной медиации предполагает, что через развитие личностной автономии сторон и пространства их взаимного признания могут быть созданы условия для ответственного самоопределения в процессе сотрудничества, для перехода от логики раздела дефицитных благ к совместному поиску новых возможностей и ресурсов. Но стоит признать, что в условиях некоторых социально-политических и идеологических конфликтов практическая реализация программы трансформационной медиации вряд ли возможна⁶, поскольку в таких конфликтах, с одной стороны, во многих случаях в принципе не возможно присутствие третьей, находящейся над конфликтом стороны, с другой стороны, слишком высоки риски, что медиационная установка одной стороны будет воспринята другой стороной как слабость. Можно было бы высказать предположение, что в ряде случаев за конфликтами, которые презентуются сторонами как идеологические, кроется неспособность ни одной из сторон полноценно реализовать собственную идеологию, реализовать то, что образует их индивидуальное или коллективное «Я». И инвективы в адрес Другого – это способ сокрытия собственной неспособности освободиться от власти инструментального разума. Однако подобное предположение, вероятно, представляет собой слишком ненадежное обобщение, и тема диалога и медиации в рамках политических конфликтах требует более обстоятельного исследования, чем данная работа.

Заключение

В настоящей статье мы хотели продемонстрировать, что проблема достижения устойчивого медиационного равновесия в отношениях «Я» и Другого не может быть сведена только к преодолению взаимных предубеждений и иллюзий сторон. Даже при наличии искренней установки на диалог, отсутствии предрассудков и комплексов стороны могут оставаться в плену логики инструментального разума, диктующего им стремление к контролю и ограничению друг друга.

⁶ Стоит отметить, что концепция трансформационной медиации Р. Буша и Дж. Фолджера получила развитие в ряде изданий, в т.ч. практической направленности и адресованным тем, кто непосредственно осуществляется медиацию [Designing Mediation... 2001; Working through Conflict... 2021]. Но политическим и международным конфликтам в этих работах существенное внимание не уделяется.

В ситуациях, если конфликт затрагивает коренные интересы участников, связан с борьбой за распределение ресурсов и сфер влияния, даже искреннего стремления сторон к диалогу оказывается недостаточно. Необходима глубокая трансформация как среды взаимодействия, так и способностей сторон к достижению целей таким образом, чтобы устранить рациональные истоки противостояния.

Нередко стороны социальных и политических конфликтов убеждены, что их интересы состоят в получении того, чем обладает оппонент. Однако в действительности их подлинный интерес может заключаться в преодолении собственного незнания того, как достичь собственных целей без присвоения ресурсов другой стороны. Человеку как личности не имеет смысла всегда вменять ответственность за действия, которые он совершает как субъект межличностных отношений. Это часто приводит лишь к гипостазированию враждебных установок сторон конфликта, а не к тому, что стороны возьмут на себя ответственность за принятие сложных и непопулярных (в глазах сторонников) решений, которые приведут к разрешению конфликта.

Существенным барьером на этом пути часто становится неготовность сторон отказаться от логики взаимных обвинений и признать свою часть ответственности за эскалацию конфликта. Одна из сторон может возлагать на другую вину в целом за нарушение медиационного равновесия в прошлом, требуя подчинения и компенсации. Преодоление этого барьера требует смены фокуса внимания с личности оппонента на безличную логику инструментального разума, которой в определенной мере подчинены действия всех участников конфликта. Обида и претензии к Другому в данном случае могут трансформироваться в стремление ограничить власть инструментального разума над собственными словами и действиями. Речь идет о выработке новых моделей коммуникации и совместной деятельности, позволяющих реализовать интересы «Я» и Другого вне логики распределения ограниченных ресурсов и возможностей. Задача медиации в таком случае – помочь сторонам диалога прийти к теоретическому и практическому знанию, которое позволит найти пути реализации их интересов через сотрудничество, а не через конфронтацию. В таком случае инструментальный разум перестанет быть внешней, подчиняющей силой и трансформируется в инструментальную рациональность, подчиненную осознанной воле участников диалога.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 1997 – Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России: в 2 т. Т. 1: От прошлого к буду-

щему / 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.

Бурдые 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл / общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.

Вебер 1990 – *Вебер М.* Основные социологические понятия // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.

Давыдов 2019 – *Давыдов А.П.* «Неклассика» В.А. Лекторского и «медиация» А.С. Ахиезера в науке об обществе // Теория медиа-ции Александра Ахиезера. Воспоминания. Библиография / отв. ред. А.П. Давыдов. – М.: Новый хронограф, 2019. С. 58–82.

Давыдов 2020 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2020. С. 529–564.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Лекторский 2004 – *Лекторский В.А.* Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44–49.

Лэнг 1995 – *Лэнг Р.Д.* Расколотое «Я». Антипсихиатрия. – М.: Академия; СПб.: Белый кролик, 1995.

Моисеев 1995 – *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. – М.: МГВП КОКС, 1995.

Сартр 2009 – *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничего: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл. В. И. Колядко. – М.: АСТ, 2009.

Турен 1998 – *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Научный мир, 1998.

Хайдер 2013 – *Хайдер Ф.* Психология межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2013.

Хоркхаймер 2011 – *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: Канон+, 2011.

Хоркхаймер, Адорно 1997 – *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997.

Юм 1996 – *Юм Д.* Трактат о человеческой природе / пер. С.И. Цере-тели // *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1996. С. 53–656.

Bush, Folger 2004 – *Bush R.A.B., Folger J.P. The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict.* – San Francisco: Jossey-Bass, 2004.

Designing Mediation... 2001 – *Designing Mediation Approaches to Training and Practice within a Transformative Framework* / ed. by J.P. Folger, R.A.B. Bush. – New York: Institute for the Study of Conflict Transformation, 2001.

Hampton 1995 – *Hampton J. Does Hume Have an Instrumental Conception of Practical Reason?* // *Hume Studies*. 1995. Vol. 21. No. 1. P. 57–74.

Sartre 1968 – *Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Tome 1.* – Paris: Gallimard, 1968.

Setiya 2004 – *Setiya K. Hume on Practical Reason* // *Philosophical Perspectives*. Vol. 18. P. 365–389.

Working through Conflict... 2021 – *Working Through Conflict: Strategies for Relationships, Groups, and Organizations* / ed. by J.P. Folger, M.S. Poole, R.K. Stutman; 9th ed. – New York: Routledge, 2021.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1997) *Russia: Critique of Historical Experience: Sociocultural Dynamics of Russia. Vol. 1: From the Past to the Future* (2nd ed.). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Bakhtin M.M. (2003) *Toward a Philosophy of the Act*. In: Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 1: Philosophical Aesthetics of the 1920s* (pp. 7–68). Moscow: Russkie slovari (in Russian).

Bourdieu P. (2001) *Practical Reason: On the Theory of Action* (N.A. Shmatko, Ed., Trans. & Afterword). Saint Petersburg: Aletheia; Moscow: Institute of Experimental Sociology (Russian translation).

Bush R.A.B. & Folger J.P. (2004) *The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict*. San Francisco: Jossey-Bass.

Davydov A.P. (2019) V.A. Lektorsky's "Non-Classics" and A.S. Akhiezer's "Mediation" in the Science of Society. In: A.P. Davydov (Ed.) *The Theory of Mediation by Alexander Akhiezer. Memories. Bibliography* (pp. 58–82). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2020) Methodological "Middle" as a Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference "Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society"). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159.

Folger J.P. & Bush R.A.B. (Eds.) (2001) *Designing Mediation Approaches to Training and Practice within a Transformative Framework*. New York: Institute for the Study of Conflict Transformation.

Folger J.P., Poole M.S., & Stutman R.K. (Eds.) (2021) *Working Through Conflict: Strategies for Relationships, Groups, and Organizations* (9th ed.). New York: Routledge.

Hampton J. (1995) Does Hume Have an Instrumental Conception of Practical Reason? *Hume Studies*. Vol. 21, no. 1, pp. 57–74.

Heider F. (2013) *The Psychology of Interpersonal Relations*. Saint Petersburg: Piter (Russian translation).

Horkheimer M. (2011) *Eclipse of Reason*. Moscow: Kanon+ (Russian translation).

Horkheimer M. & Adorno T. (1997) *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Moscow: Medium; Saint Petersburg: Yuventa (Russian translation).

Hume D. (1996) A Treatise of Human Nature (S.I. Tsereteli, Trans.). In: Hume D. (1996) *Works in 2 Vols.* (Vol. 1, pp. 53–656). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Laing R.D. (1995) *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. Moscow: Akademiya; Saint Petersburg: Belyy krolik (Russian translation).

Lektorsky V.A. (2004) Is the Integration of Natural Sciences and Human Sciences Possible? *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 44–49 (in Russian).

Moiseev N.N. (1995) *Modern Rationalism*. Moscow: MGVP KOKS (in Russian).

Sartre J.-P. (1968) *Critique de la raison dialectique* (Vol. 1). Paris: Gallimard (in French).

Sartre J.-P. (2009) *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology* (V.I. Kolyadko, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Setiya K. (2004) Hume on Practical Reason. *Philosophical Perspectives*. Vol. 18, pp. 365–389.

Touraine A. (1998) *Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society* (E.A. Samarskaya, Trans.). Moscow: Nauchnyy mir (Russian translation).

Weber M. (1990) Basic Sociological Terms. In: Weber M. *Selected Works* (pp. 602–643). Moscow: Progress (Russian translation).